

ЕКАТЕРИНА ФЕОДОРОВНА ЮНГЕ

(Некролог)

Вчера хоронили¹ Екатерину Феодоровну Юнге.

Она была одним из последних обломков далекой от нас эпохи русской жизни. С ее смертью многое, что казалось только вчерашним, становится уже историческим.

Она была дочерью графа Феодора П. Толстого — автора рисунков к «Душеньке»,² вице-президента академии, художника, скульптора, председателя последних масонских лож,³ закрытых при Александре I.

Она родилась 24 ноября 1834 г. в академии художеств. Комнаты, в которых проходило ее детство, еще помнили Пушкина. У нее сохранились смутные воспоминания о Глинке. Двенадцати лет, в то время, когда Шевченко писал в их квартире тот портрет Ольриджа,⁴ который теперь находится в Третьяковской галерее, она служила переводчицей между ними, и через нее Ольридж и Шевченко рассказывали друг другу свою жизнь, такую схожую: оба они были в детстве рабами.

Дом ее отца был одним из самых блестящих художественных салонов, на которые так скупа история русской культуры.

В Петербурге, а позже в Риме (еще папском!) она знала молодых — Майкова, Мея, Щербину, Ал. Толстого. Позже она была дружна с Костомаровым, с Крамским. Сохранились письма Достоевского к ней.⁵ Двоюродная сестра Л.Н. Толстого, она не была чужда интимной его жизни.

В раннем детстве она сидела на коленях отца Анфантэна, а позже Эдмон Гонкур по ее рассказу написал свою повесть:⁶ «La Passionette».

Рожденная под кровлей академии художеств и проведшая детство в такой обстановке, она не могла не стать худож-

ницей.⁷ Она училась у Мешерского и барона Клодта, позже в Дюссельдорфе у Ахенбаха и в Париже у Добиньи. Произведения ее юности отличаются строгим стилем. В 1872 г. она получила медаль на парижской выставке. Позже она писала главным образом цветы, — больше всего розы, которые любила страстно. Ее произведения есть в Третьяковской галерее. Новые художественные течения последнего десятилетия обесценили ее искусство. Но она до самых последних дней жизни продолжала работать для себя.

Но живопись была не единственным искусством, в котором она выражала себя. Она писала и стихи и рассказы, она переводила «Фауста»,⁸ который был ее настольной книгой, она писала статьи по искусству и, наконец, что является самым ценным ее наследством, — свои мемуары. Они печатались частью в «Историческом Вестнике», частью в «Вестнике Европы».⁹ Она не дождалась выхода их в свет отдельной книгой, но они должны появиться на днях.¹⁰

Возвращаясь за 20 лет назад к отроческим своим воспоминаниям, я вижу Екатерину Феодоровну с ее некрасивым, толстовского типа лицом, рано старческим, но неизменно привлекательным тем избытком жизни и восторга, который не угасал в ней до самых последних дней жизни. Я вижу ее одобряющей мои первые (какие слабые!) стихотворные опыты. Вспоминаю, что именно от нее я услышал впервые имена Ницше и Рёскина.

Последние годы ее жизни были непрерывной борьбой со смертью. Каждую зиму она переносила одну смертельную болезнь, но с чисто толстовской живучестью превозмогала смерть и жила, снова пламенея всею душою обо всем новом в искусстве. Еще этой осенью в Коктебеле она приходила ко мне сама за новыми французскими книгами пешком за две версты.

Приехав в Москву, она преодолела еще одну смертельную болезнь, но воспаление легких, начавшееся без всякого перерыва вслед за первой болезнью, убило ее.

Ее лицо после смерти стало значительным, строгим и прекрасным. Линии лба, нос, впадины глаз странно напо-

минали лицо Льва Толстого. Подвижной рот с выдающейся нижней челюстью лег скульптурной, замкнутой чертой. Маленькое, иссохшее, пергаментное тело, очертания которого смутно рисовались под простыней, казалось изжитым до конца, черным, сморщенным и сухим стручком, который не осенью, а поздней зимой сорван с ветки набежавшим ветром.